

Операция «Купюра»

ИННА ТРОНИНА

Инна Тронина

Операция «Купюра»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20537612
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Январь 1991 года. В Ленинграде, как и во всей стране, проходят мероприятия по обмену крупных денежных купюр. Преступные группировки стремятся обменять наличные средства через декларации частных лиц, которые официально имеют большой заработок.

В это же время погибает художник Фёдор Гаврилов – он задушен в своей мастерской. Группа, состоящая из сотрудников КГБ, ОБХСС и отдела борьбы с организованной преступностью, пытаются обнаружить и перекрыть каналы незаконного обмена денег. Расследование убийства Гаврилова, связанного с преступниками, выводит их к цели...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Инна Тренина

Операция «Купюра»

Глава 1

По сравнению с сырым мраком подъезда пасмурный день малоснежной зимы казался даже слишком светлым. Глаза долго привыкали к темноте – на лестнице, накануне перегорела последняя лампочка. Грачёв освоился первым и увидел на облупленной батарее, под которой высыхала грязная лужица, двух полосатых кошек; те, как положено, гуляли в январе. Тут же, на полу, валялись вонючие бумажки, на которых кошкам из разных квартир выносили еду.

– Видно, крысы жильцов зажрали, – тихо сказал Барановский. – Того и гляди растянешься здесь – ни зги не видно...

– Оформишь производственную травму и, наконец, отоспишься. – Грачёв уже отчётливо видел лестницу с выщербленными ступенями, которая вела наверх. – И это ещё самое лучшее из того, на что мы тут можем рассчитывать.

– Не каркай, и так тошно! – Барановский, близоруко щурясь, вцепился в рукав Грачёва. Включив подсветку, он глянул на часы. – Половина третьего. Ничего, время есть.

– А ты уверен, что Гаврилов нас ждёт, и никуда не смоемся? Надо было как-то по-другому с ним встречаться, а не на

чашку чая приходить. Ты мог ему повестку послать, чтобы как-то посолиднее было? – Всеволод Грачёв задумчиво пожевал нижнюю губу.

– А на каком основании? Этот Гаврилов – отпетый деморосс, и лучше с ним не связываться. Поднимет скандал – якобы мы тут репрессии устраиваем в отношении него. Наши подозрения к делу не пришьёшь. Да, агентура сообщила, что он бандюкам деньги меняет. Но это пока вилами на воде писано...

Они поднимались по крутой широкой лестнице старого дома, и Барановский крепко держался за отполированные миллионами ладоней перила. Окна выходили во двор колодезем, где грохотала и рычала припозднившаяся мусоровозка. С Большого проспекта Петроградской стороны доносились сигналы машин, визг тормозов.

– По-моему, бояться его нечего – пусть он нас боится, – раздражённо возразил Всеволод. – Его политические взгляды нам до фени. Важно, что подозрения нехорошие в воздухе порхают, и уже кое-какие доказательства получены. То, что Гаврилов ярый демократ и либерал, не даёт ему права бандитам литерить. Чего ты с ним, как с благородным, в самом деле? Ну, скажет про тридцать седьмой год, так об этом сейчас только покойники не говорят. Если всё было так, как утверждает Вениамин Баринов, ему полновесный срок светит. В лучшем случае Гаврилов менял не только свои деньги. А в худшем – вообще не свои...

– А вдруг свои, Сева? – Вячеслав Барановский остановился у подоконника между четвёртым и пятым этажами. – Баринову тоже нельзя на сто процентов верить – он ведь сидел уже. Возможно, хочет отвести подозрения от себя и перенаправить их на Гаврилова. Я вообще не понимаю, как судимому такую должность доверили...

– Ну, он же при «совке» сидел, а это сейчас очень ценится, – вздохнул Грачёв. – Где мастерская Гаврилова? Здесь или выше?

– На шестом этаже, он сказал. На чердаке студия. Нужно ещё два марша пройти, а там – по железной лестнице...

– Не сказал бы, что Гаврилов очень состоятельный, судя по его мастерской. – Всеволод осмотрел грязные стены, заплёванный пол и свежую протечку на потолке. – У него в декларации девяносто четыре тысячи рублей – неужели все свои? – Грачёв достал из кармана куртки пачку сигарет «Монте-Карло», протянул Барановскому. – Кури, а то потом некогда будет.

– Однако ты с шиком живёшь! – Барановский осторожно вытянул сигарету. – Зажигалка есть у тебя? А то я последнюю спичку истратил – дома газ зажечь нечем. Спасибо! – Вячеслав склонился к язычку синеватого пламени, который вырвался из кулака Грачёва. – Давай объективно смотреть на вещи. Вижу, тебе художник не симпатичен, но и Баринов – фармазонщик ещё тот. И в то, что он нам сегодня чистую правду сказал, я сильно сомневаюсь.

– Может, и не чистую, а грязную. Но всё-таки доля истины в его словах, как ни крути, есть. Он назвал фамилию Гаврилова, даже не задумываясь. А ведь мы его в лоб спрашивали, и соображать некогда было...

– Мог и заранее заготовку сделать. Баринов – жук ещё тот, и жабры у него скользкие. – Барановский с наслаждением вдыхал дым «Монте-Карло». – Я заметил, ты только эти куришь. Интересно, почему? Вроде, снобом никогда не был, парень простой...

– Да уж, проще некуда, – хмуро согласился Всеволод. – Мы в Сочи такие – примитивные. А сигареты эти отец любил, у фарцовщиков покупал в гостиницах и ресторанах. И мне, когда я их курю, кажется, что отец рядом. – Грачёв бросил в окно короткий «бычок». – Он бы сейчас мигом из Гаврилова всё вытряс, как на духу. Честно говоря, я о таком художнике ничего слышал. Но это не довод – я вообще от искусства далёк. Надо у Сашки Минца поинтересоваться, который с моим братом вместе работает. У него сестра – художница, и соврать не даст. Но это мы сделаем чуть погодя, а пока подумаем, как оно могло быть. Моё мнение такое – Гаврилов попал на заметку кому-то, кто хочет рассредоточить свои «бабки» по декларациям легально высокооплачиваемых граждан. За те дни, что меняли деньги, таких случаев было уже много. Несколько заведующих отделениями Сбербанка попало, в том числе и Баринов. Он работает недавно, принят, несмотря на судимость. Значит, за ним стоит кто-то

очень мощный, а такие люди даром покровительствовать не станут. Не мне тебе рассказывать, короче. – Грачёв расстегнул куртку. – Ну, пошли, времени мало...

– Чаще всего сумма подавалась как выручка магазинов. – Барановский выпускал дым между грязными рамами. Из окна тянуло мозглой зимней сыростью. – Правда, в последнее время они сменили тактику.

– О репутации наших торговых точек уже и говорить не стоит. Она давно ниже плинтуса, и потому серьёзные люди не свяжутся с торгашами. Они прекрасно знают, что там будет особенно свирепствовать ОБХСС, то есть вы. А на божьего художника никто и не подумает. Кстати, расчёт верный, как считаешь? – Всеволод задрал голову вверх, шагнул к последнему маршу. – Если бы не Баринов, хрен мы нащупали бы его сегодня. Кстати, Вениамин сказал, что Гаврилов недавно продал несколько картин. Но я сомневаюсь, что на очень большую сумму...

– Сева, мне кажется, что ты, даже не познакомившись, уже возненавидел этого Гаврилова. А я думаю, что сперва надо разобраться, его выслушать. Он имеет точно такие же права, как и Баринов. К тому же, он не судим.

– Да какая разница, как я к нему отношусь? – Грачёв смотрел на окно, и в его длинных чёрных глазах отражались перекрестья рамы. – Тут может быть два варианта. Либо Баринов просто догадывается, что художник связан с серьёзными людьми, но наверняка не знает. Либо он полностью в курсе,

но нам всего говорить не хочет, а просто осторожно намекает. Разумеется, с Фёдором Авксентьевичем нужно побеседовать – вдруг он быстро «поплывёт»? Надо же о нём мнение составить – в любом случае пригодится. Кстати, Слава, он очень удивился, когда ты попросил о встрече? – Грачёв двумя пальцами снял соринку с пальто Барановского. – Как тебе показалось, он заволновался? Или, может, рассердился?

Вячеслав почесал пальцем свой вздёрнутый, в мелких веснушках, нос.

– В том-то и дело, что не удивился и не разозлился! Он как будто ожидал моего звонка. То есть знал, что им займутся... Похоже, ты прав, и рыло у художника в густом пуху. Но я не могу сказать, что Фёдор Авксентьевич был спокоен. Скорее всего, он испугался, но отказываться от встречи не стал...

– Ну, испугаться он мог просто потому, что мы из карательных органов, – предположил Грачёв. – А эти демократические активисты только на словах такие смелые...

– Сева, у меня сложилось впечатление, что он даже хотел бы с нами увидеться. Но, в то же время, явно кого-то опасается. Просит, что бы не приезжали на казённой машине, зашли не с Большого, а с Пушкинской. Значит, не хочет, чтобы нас у него застали, или хотя бы заподозрили в чём-то. Похоже, за ним действительно могут следить, иначе кого художнику бояться? Он не сидел, «по понятиям» не жил. И клятв никому не давал – по крайней мере, до последнего времени.

– Ладно, пошли! Заговорились мы с тобой... – Грачёв

стал быстро подниматься лестнице. – Не знаю уж, как его заарканили. Я слышал, по-разному подъезжают к таким людям, которые могут легально много «бабок» отмыть. Кому в долг дают, кому обещают солидную комиссию, с кем просто в дружбу входят. Хотелось бы, конечно, спросить у него, как на удочку попался...

Барановский достал расчёску, прилизал вьющиеся штопором рыжие волосы. Он согнал с лица смешливое, даже плутоватое выражение и надел скучную, казённую маску. Всеволоду забавно было смотреть на это превращение, и сейчас губы его дрогнули в улыбке.

Но внезапно благодушное настроение сменилось тревогой, даже опаской. Если у Гаврилова такие связи, как намекал Баринов, не нужно было идти к нему вдвоём, да ещё без оружия. С кем он работает – с рэкетирами, скокарями, спекулянтами? А вдруг они и сейчас там, а Гаврилов заманивал «легалых» в западню? Славка – следователь из ОБХСС, и «ствол» ему не положен. А вот он мог бы прихватит пистолет, и не только табельный...

Ещё никто не знал, что Грачёв совсем недавно сам совершил правонарушение – приобрёл в личное пользование итальянский пистолет. Продавец сказал, что оружие с ртутными пулями. Но что это значит, сам толком объяснить не мог. Вроде бы они при выстреле становятся ядовитыми, потому что ртуть сильно нагревается. Что там изобрели итальянские мафиози, трудно сказать, но выбора особого не было. Этот

пистолет стоил дешевле пятидесяти тысяч «Бульдога», и Всеволод взял его.

Ему давно уже надоело ходить по улицам без защиты. Но пока ещё оружие с собой ни разу не брал – опасался. Ни одна живая душа про пистолет не знала. А ведь на него ушли все сочинские переводы, которые посылала мать. Он давно просил помочь деньгами, потому что питаться приходилось в основном с рынка. Тех продуктов, что выдавали по талонам, хватало всего на несколько дней.

Мать и старшая сестра Оксана в Сочи не бедствовали – имели сад, огород, торговали на базаре, летом пускали курортников. Конечно, они при случае захотят узнать, какую же обновку захотел для себя Севочка, раз попросил сделать солидный перевод. Машина, «Жигули» пятой модели тёмно-фиолетового цвета, перешла к нему от отца. И он с неё каждую капельку стирал, берёг, по гайке перебирал, потому что это было память, а не просто «тачка».

Женщинам, конечно, про пистолет говорить нельзя – всё равно не поймут. Надо сказать, что деньги пошли на кооператив – в конце концов, правдоподобно. Если он будет жив, тем дело и кончится – сколько можно жить из милости у чужих людей? Несмотря на то, что в четырёхкомнатной квартире напротив «Ленфильма» Всеволод был законно прописан, он даже в мыслях не собирался её разменивать. Площадь эта должна принадлежать семье Ковалевских-Ольхиных, которая из поколения в поколение проживала здесь – и

во время революции, и в блокаду.

Всеволод жил там с мачехой, её матерью и сводной своей сестрой – Дарьей. А раньше было их пятеро – пока отец не погиб в авиакатастрофе. Интеллигентная семья пригрела ребёнка, которого другие не пустили бы на порог. И он помнил их доброту, не посягал на то, что по праву ему не принадлежало. Пусть Дашка остаётся здесь, а он найдёт возможность отъехать. Может, в третий раз женится удачно, на женщине с жилплощадью...

Мачеха, Лариса Мстиславна, её мать Валентина Сергеевна – родные ему люди, пусть и не по крови. А о Дашке и говорить нечего – они буквально на одно лицо. Пусть все будут счастливы, и не думают о его проблемах. Два брака Грачёва распались отчасти и потому, что негде было жить. А он не хотел стеснять мачеху, и уходил сначала к одной жене, потом – к другой.

А в первом браке, ясное дело, тесть и особенно тёща, лезли с нравоучениями. Всеволод, в свою очередь, особой церемонностью не отличался, и разговаривал с ними так, как было принято в Сочи на базаре. Во второй раз не повезло по другой причине – отец жены, настоящий глава семьи, погиб на рыбалке, и дальше всё пошло наперекосяк. На память о тех славных днях в его паспорте остались четыре штампа – по два о браке и о разводе. Вот у Славки Барановского супруга нормальная, самостоятельная, родителям своим в рот не смотрит. Они живут в смежной «двушке» на Омской ули-

це вместе с двумя детьми – и сами себе хозяева...

– Ну вот, его дверь! – Вячеслав тронул рукой в перчатке железную ручку. – Надо позвонить, он откроет. Глянь, я не вымазался? Тоже мне, обитель искусства – шаг в сторону, и ты по уши в дерьме!

– Ничего не вижу, – признался Грачёв. – А у меня как? Порядок?

– Ты даже слишком нарядный для этой трущобы, – сделал ему комплимент Барановский.

– Интересно, художники специально такие места ищут для мастерских? Им это стимулирует творческий процесс? – Грачёва передёрнуло от отвращения. – Слав, звони, и говори с ним сам. Думаю, у тебя это лучше выйдет.

– Только ты не горячись, не пугай его, – предупредил Барановский. – А то язык проглотит, и хрен потом восстановишь контакт... Даже если он действительно с бандитами или спекулянтами работает, не стоит в стену его вмазывать. Прижали, наверное – они это могут...

– Прижали! Тоже, барышня непорочная! – процедил Грачёв. – Сообщать надо, куда следует!..

Барановский позвонил, и за дверью раздалось дребезжание. Внизу, у входа, раздались чьи-то гулкие шаги и кошачий вой. Вячеслав давил на кнопку, но дверь никто не открывал. После второго звонка в мастерской залаяла собака. Вернее, она даже не столько тявкала, сколько выла, и от этих звуков Всеволод с Вячеславом насторожились.

– Слушай, чего псина воет? – Грачёв наморщил лоб и прищурил глаза. – Ты замечаешь, что она очень странно скулит? Если собака там одна, то где хозяин?

– А ты как в воду глядел, – признался Барановский. – Получается, Гаврилов назначил встречу, а сам сбежал? Мы договорились на три, и сейчас остаётся всего одна минута. Но он не может надолго собаку оставить – её кормить, выводить надо. А на короткое время смываться – только себе вредить...

– Говорил я тебе – нечего сопли разводить! – как всегда, с пол-оборота завёлся Всеволод. – Презумпция невиновности – голубая мечта, нечто вроде коммунизма. Надо исходить из реальных обстоятельств, и не доверять таким типам!

Грачёв теперь позвонил сам и долго не отпускал кнопку. Собака бегала с той стороны деревянной двери, совсем близко, потому что слышно было царапанье её когтей. Она возмущалась вяло, больше выла и скулила, почти плакала.

Грачёв побелел от бешенства, и скулы его прорисовались чётче. Откинув со лба прядь иссиня-чёрных волос, он присел на корточки, попробовал заглянуть в замочную скважину. – Ни хрена не видно... Чего делать будем? Не зря же шли сюда, правильно?

– Меня этот вой беспокоит, – признался Барановский. – У нас на даче, в Горьковском, так пёс выл, когда сосед умер. Будто отпевает – замечаешь?..

– Ну-ка! – Всеволод прислушался. – А и правда – что-то

замогильное... Тогда нужно дверь ломать – другого выхода нет.

– Того ещё не хватало! – Барановский даже приоткрыл рот. – Мы на такой квас нарвёмся с этим! Надо хотя бы участкового позвать, понятых, как положено...

– А мы что, на помойке себя нашли? – окрысился Всеволод. – Я представляю КГБ, ты – МВД. Имеем право в экстренных случаях действовать оперативно. Вдруг там что-то происходит сейчас? А мы, пока за участковым бегать будем, упустим бандитов?!

– Да если в печать просочится, что мы вот так, самовольно, дверь ломали... – начал Барановский.

Грачёв топнул ногой и оскалил зубы:

– Ну, тогда давай, сбегает на Исаакиевскую и спросим разрешения, можно ли дверь сломать в мастерской демократа. А то вдруг мы тут государственный переворот произведём и диктатуру установим – в отдельно взятой трущобе? Бандюг они за нас ловить будут, эти апостолы свободы?

– Они, похоже, вообще против того, чтобы бандитов ловить, – грустно сказал Барановский. – Право совершать преступления священо и неприкосновенно. – Он опять подёргал дверь за ручку. – Ну, допустим, мы решились. А как это сделать? У тебя инструменты есть? Тьфу, как домушники какие-то...

– А вот мой инструмент! – Всеволод ещё раз топнул ногой. – Значит, ты согласен? Тогда отойти!

Барановский, махнув рукой, отступил назад. И Грачёв, даже не разбегаясь, ударил блестящим остроносым ботинком в дверь повыше замка. Раздался грохот, завизжала собака, и тут же залаяла ещё одна – в квартире ниже этажом.

– Ох, про псину-то совсем забыли! – всполошился Барановский. – Ну, ничего, вроде, отскочила...

Коричнево-чёрная такса даже не удивилась тому, что двое чужих вошли в мастерскую столь необычным способом. Собака уже не лаяла и не выла, не попыталась она и напасть за непрошенных гостей. Отбежав к распахнутым дверям, в тёмный, большой зал, где стояли подрамники с натянутыми холстами, она выжидательно посмотрела на вошедших, словно приглашая их пройти дальше.

– Славка, я сейчас дверь на место поставлю, чтобы вопросов не было, – сказал Грачёв. – А ты глянь, что там. Похоже, тут нет никого, кроме таксы. У хозяина, наверное, есть инструмент – тут уже одной ногой не обойдёшься...

* * *

Труп Гаврилова Барановский увидел с порога. Грузный мужчина кучей лежал на полу, лицом вниз, около одного из подрамников, а собака своей длинной мордой тыкалась в его откинутую руку. В нескольких сантиметрах от пальцев Гаврилова лежала кисть, и на щетине её поблёскивала ещё свежая краска.

Вячеслав, на цыпочках, стараясь не наследить, подошёл к лежащему, повнимательнее присмотрелся. Руками он, как и положено, ничего не трогал, но этого и не требовалось. Даже при свете пасмурного зимнего дня было ясно видно, что художника задушили чёрным, в синий ромбик, галстуком, от чего лицо его приобрело неаппетитный лиловый цвет, а язык вывалился наружу. Чей это галстук – художника или убийцы, Вячеслав определить не мог, и оставил этот вопрос на потом. Ясно было только одно – Гаврилов расстался с жизнью не добровольно. Самоубийцы оставались совершенно в других позах, практически никогда не использовали галстук, и не устраивали вокруг себя разгром.

Фёдор Авксентьевич был одет по-домашнему – фланелевая ковбойка, дублёная душегрейка, вельветовые потёртые брюки, заплаченные в валенки. С таким костюмом галстук обычно не носят, но убийца мог залезть в шкаф, взять его со спинки стула. Впрочем, никакого шкафа здесь нет, и стульев тоже – одни табуретки...

Барановский на всякий случай проверил у Гаврилова пульс, окончательно убедился, что тот мёртв, правда, недавно, и прошёлся по мастерской, даже в пальто поёживаясь от холода. А художник, видно, полнокровным был, жарким – только ноги берёг. По полу здесь сквозняк гуляет, и батарей нет ни одной, отметил Барановский, поглаживая несчастную собаку. Та, видимо, всё про своего непутёвого хозяина поняла, и теперь хотела приткнуться около живого, тёплого че-

ловека.

Итак, сразу видно, неряхой покойник был первостатейным, сделал первый вывод Барановский. Помещение грязное, запущенное; по углам пыль и паутина. Таким же неразборчивым, видимо, Гаврилов был и в своих контактах. Кроме того, падок был на эротику – все три начатые картины изображали голых женщин в разнообразных позах и интерьерах. У двух дам лица было не написаны, зато всё остальное изображено с величайшей тщательностью, любовно и вдохновенно. Если бы Гаврилов так свою мастерскую холил, или почти так – здесь бы блестело всё, и было тепло...

Грачёв, который всё это время возился с выбитой дверью, закончил работу и пришёл в мастерскую. Он давно всё понял, поэтому особенно не торопился и понадеялся на наблюдательность Барановского. До перехода в ОБХСС тот работал милицейским дознавателем, и около трупов провёл не один час. Знал, что нужно делать, какие факты принимать во внимание, а какие – игнорировать как несущественные.

Всеволод смахнул с рукава паутину. С сожалением осмотрел свои испачканные перчатки и подумал, что мыть здесь их нельзя, чтобы не смазывать картину. Да, похоже, и раковины нормальной у Гаврилова не было – по крайней мере, на глаза она не попадалась. А вот ящик с инструментами, к удивлению, нашёлся быстро, и Грачёв начерно приладил дверь к косякам. Потом её всё равно опечатают, но пока пусть всё будет пристойно – чтобы не было лишних вопросов.

– Следы борьбы налицо, – тихо сказал Барановский, указывая на разбросанные по полу тубики с краской. Они частью были завинчены, частью – открыты; и один, с ультра-марином, оказался прямо под ногами Вячеслава. – Кисть в этой краске, видишь? – Он кивнул на тубик. – Когда Гаврилова начали душить, он работал. Значит, не ожидал нападения, был спокоен. Галстук набросили сзади, но сразу дело закончить не удалось – жертва отчаянно сопротивлялась. Вон, подрамник опрокинут, беспорядок кругом...

– Да тут, наверное, особого порядка сроду не наводили, – фыркнул Всеволод, хоть ему было совсем не весело. – С чем и можно нас поздравить, Слава! Одно хорошо – он не сбежал и нас не надул. А в таком виде открыть дверь никто не смог бы... – Грачёв тяжело вздохнул, посмотрел на часы. – Но мы не зря сюда сходили, потому что первыми оказались на месте происшествия и увидели здесь всё, как было на тот момент. Кроме того, мы уже точно знаем, что Фёдор Авксентьевич не себе деньги менял. – Быстро работают ребята, ничего не скажешь! Только мы на него вышли, те сразу же подтёрли за собой. Значит, так будут поступать и с другими своими менялами, и это надо иметь в виду.

Они оба в присутствии покойного сняли свои пушистые зимние шапки, и сейчас держали их в руках.

– Что скажешь, следовательно? – Всеволод зорко осмотрел мастерскую, потом глянул на Барановского. – Какие будут предложения?

– Нужно скорее вызвать милицию и объяснить, как было дело, – медленно, задумчиво предложил Вячеслав. – А то слишком подозрительно выходит – дверь выбита, хозяин задушен. Кто засвидетельствует, что это не мы? Она? – Барановский опять погладил таксу между ушами.

– Ты бредишь, Слава? – Грачёву показалось, что он ослышался.

– Ничуть! Сейчас такой психоз в народе, что поверят любому навету. Не забывай, что ты – кровавая гебня, а они все – изверги рода человеческого. Да и я – враг нынешним триумфаторам. Как же – мешаю людям бизнесом заниматься, деньги зарабатывать. Сейчас, прикинь, никто не ворует – все работают. Так это у них называется...

– Да, кстати, как раз собака – самый лучший здесь свидетель! – Грачёв тоже приласкал испуганную таксу. – С ней невозможно договориться, а убийц своего хозяина она и близко бы к себе не подпустила. Раз она с нами приветлива – мы Гаврилова не убивали. Впрочем, всё это работает, когда люди действительно хотят разобраться. А настоящие убийцы Гаврилова сделают всё, чтобы свой грех на других спихнуть, и олухам головы заморочить. – Грачёв надел шапку, и Барановский сделал то же самое. – Поэтому давай поступим так. Времени у нас мало, а работы ещё много. Поэтому, если ты чего-то опасешься, я возьму ответственность на себя, тем более что я и ломал дверь. И что эти шизики с Исаакиевской мне сделают? В газетёнках своих ославят? Да это для меня

такая честь, что ты и представить не можешь. А на большее они не способны – слабоваты, хоть и крикливы.

Барановский тем временем взял с табуретки газету, мельком осмотрел её, зачем-то понюхал, и положил обратно – «Невское время», сегодняшнее. Выписано издание на адрес Гаврилова – видишь пометку почтальона? Ящики тут внизу, так что туда, по крайней мере, Гаврилов сегодня спускался. Выходил ли он на улицу, точно неизвестно. Жаль, что на нём нет часов – как правило, по ним можно установить время смерти. Если при ударе о пол останутся, конечно... Но тому не больше часа – краска даже не успела засохнуть. Убийство предположительно совершено для того, чтобы Гаврилов не успел встретиться с нами. А, значит, всё делалось в спешке, подручными средствами, без предварительной подготовки. Но своего они, как ни крути, добились – Гаврилов уже ничего нам не расскажет...

– Слав, смотри, какая краля! – Грачёв мотнул головой в сторону картины. – Покойник был эротоманом и фантазёром. Короче, человеком не совсем нормальным, живущим в своём собственном мире. Такие легко становятся добычей криминала.

На холсте была изображена начисто обнажённая девица в венке из роз, которая соблазнительно раскинулась на диване красного дерева. Ультрамарином Гаврилов как раз начал делать фон, и уже успел наложить несколько мазков.

– Видишь, кистью проехался до самого подрамника? – Ба-

рановский указал на холст. – В этот момент его и начали душить.

– Тогда, получается, здесь находилась натурщица?.. – Грачёв щёлкнул пальцами. – Странно. При посторонней бабе никто человека убивать не будет. Или уж тогда и её бы заделали до кучи, им это нетрудно. Но раз труп всего один, значит, девушка – из их среды. Да оно и видно – такие часто в бане с бандюками резвятся. Но я ей всё равно не завидую – сейчас не зачистили, потом опомнятся...

– Вон, видишь, диванчик этот стоит? – Барановский указал в угол. – Ну, тот, что на картине изображён!

– Давай-ка мы ещё раз всё осмотрим, пока другие не приехали. Больше всего мне хочется девушку найти, если она жива ещё...

– Понравилась, вижу? – понимающе усмехнулся Барановский. – Она как раз в твоём вкусе, правда? И столкнуться с ней, думаю, просто, без долгих прелюдий.

– Сказал бы я тебе пару ласковых, да времени жалко! – отмахнулся Грачёв, но смуглые его щёки подозрительно загорелись. – Мне сейчас дело надо раскручивать, а не хренюю всякой заниматься. Она что-то знать может – хотя бы о том, чем жил Гаврилов, с кем общался. Потому я и боюсь, что эту ниточку тоже обрежут, а то приведёт нас, куда им не надо...

– Вот, смотри, кавалер! – Барановский руками в кожаных перчатках взял со столика, на котором стоял телефонный аппарат, перекидной календарь. – Может, заберём? Здесь мно-

го чего интересного может быть. Да, прямо на сегодняшнем листочке что-то чиркнуто, лопни мои глаза! Лиля, 12–00. Видимо, эта дива Лиля и есть. Ага, – Барановский наклонился и вытащил из-под столика затрёпанный алфавит. – Держи, пригодится. А то ещё неизвестно, кому всё это в руки попадёт. И календарный листочек оприходуем. – Барановский сунул находку в карман пальто.

– Значит, в двенадцать часов Гаврилов был жив, как мы и думали. Сколько времени он писал свою богиню, неизвестно. Но где-то около двух его уже прикончили. – Грачёв сосредоточенно листал алфавит. – Да мы ничего противозаконного и не делаем, – на всякий случай успокоил он Славу. – Нам так и так этим делом заниматься. Гаврилов был связан с Бариновым, а он уже давно в вашей картотеке. Никуда мы от него не денемся, и всё равно придётся искать натурщицу. А, значит, лучше это сделать как можно скорее... – Грачёв замолчал на секунду, а потом вдруг хлопнул Барановского по плечу. – Славка, ты гений!

– Это почему? – подозрительно спросил тот.

– Потому что алфавит нашёл! Вот, гляди – Лиля Селедкова, как с куста. И номер её телефона. Похоже, пилить мне сегодня куда-то в Купчино...

– Да, скорее всего, нужно поторопиться, – поразмыслив, согласился Слава. – Похоже, Лиле действительно угрожает опасность. Сразу её не прикончили, чтобы не просматривалась связь между какими-то событиями, которую убийцы хо-

тели бы скрыть. Даже если она из «малины», всё равно постараются от бабы избавиться, чтобы языком не мела...

– Надо ковать железо, пока оно горячее, – воодушевленно сказал Грачёв. Он терпеть не мог долго топтаться на одном месте. – Значит, сейчас я иду домой, благо мне тут близко, и пробиваю адрес Лили Селедковой. А ты оставайся здесь и принимай представителей власти. Разумеется, про алфавит и календарь молчи. Дверь мы сломали потому, что боялись упустить время. Ведь хозяин мог быть ещё живым, правильно? Пока будешь участкового искать и понятых, человека потерять можно. Скажи, что мы стоны слышали. Потом всё на собаку свалить можно, тут сам чёрт ногу сломит.

– Милорадову будешь докладывать? – Барановский уже прикидывал, как будет водить местных коллег за нос.

– Ну. А куда ж я без него? – Грачёв шутливо развёл руки в сторону. – На кого угодно можно плюнуть, но на непосредственного начальника – ни-ни! Кроме того, что это вообще неприлично, так ещё и помощь, скорее всего, потребуется. А с Захаром Сысоичем Горбовским мне договариваться не по рылу – это дело Милорадова. А уж если Захар заедаться начнёт, и опять Лазаря петъ, тогда придётся через ихнего генерала на него давить. Всё равно никуда Горбовский не денется – организованная преступность в наличии, а у него – главные специалисты. Если замешан Баринов из Сбербанка, да и с Гавриловым оперативно расправились, как только его имя прозвучало – это не уровень коммунальной кухни. Ве-

ниамин Артёмович ведь наедине разговаривал с нами, а ТЕ откуда-то уже узнали, что он сказал. Похоже, «жучки» у Барина в кабинете стоят, и долго ему не жить. – Грачёв тщательно застегнул зимнюю куртку, щёлкнул пряжкой пояса. – Одного они не учли, и это их погубит...

– Чего не учли? – Барановский уныло оглядывал мастерскую, где ему предстояло торчать ещё довольно долго.

– Что мы дверь ломаем так быстро. Думали, позвоним и уйдём, решим, что Гаврилов просто сбежал. А, пока разберёмся, труп завоняет, картина изменится. И непонятно будет – кто его, за что. Мы выиграли время, и нужно этим пользоваться.

– Это точно, чего уж там! – Барановский подошёл к телефону. – Тогда я звоню, а ты с Милорадовым утрясай. Участие сотрудников Шестого управления очень нам поможет. Кстати, не мешало бы галстук проверить – чей он, Гаврилова или убийцы. Это Лилия может знать...

– О'кей! – Грачёв рванулся к двери. – Обязательно спрошу и про галстук. Только ты не мычи, не мнись, а води себя уверенно, даже нагло. Надо ещё узнать, были ли у Гаврилова родственники. Если были, пусть проверят, не случилось ли ограбления. Но это потом, главное – Лилия!..

– Как ты на батю своего похож! – восхищённо сказал Барановский. – Вот сейчас – особенно...

– Спасибо за комплимент, – улыбнулся Грачёв.

– Только солидности бы побольше, важности этакой, – до-

бавил Барановский. – Чтоб в авторитете быть, нужно держать себя соответственно.

– На детях гениев природа отдыхает, – с горечью сказал Всеволод. – А солидность – дело наживное. Мне ведь тридцати ещё нет.

– Это я знаю, – заметил Вячеслав. – Всё ещё впереди – прекрасный возраст! К Селедковой на своей машине поедешь?

– Конечно, так будет быстрее. Да и номера служебные ни к чему там демонстрировать. Моя красавица у цветочного магазина сейчас запаркована – в гараж гонять далеко. Ну, пока, я побежал! Вечером созвонимся, я расскажу, чем дело кончилось. А что касается двери, она и так на соплях была. Я чуть мордой о пол не грохнулся, когда выбивал – думал, труднее пойдёт. Приложил больше силы, чем надо было. Там трухой всё засыпано, можешь посмотреть. Такие деньги имел, а жил, как свинья, прости, Господи! – Всеволод оглянулся на мёртвого хозяина.

– Только ты не это... Не очень горячись, – предупредил Барановский. – А то погоришь, как твой отец в Вырице. Я этот случай очень хорошо помню, потому что тогда ещё в милиции работал. Кто ему «спасибо» сказал за то, что четырёх опасных рецидивистов в одиночку обезвредил? А сколько народу спас! За блестяще проведённую операцию его чуть не уволили из органов, помнишь? И уволили бы, да он раньше погиб. Гранату, видите ли, без разрешения в избу кинул!

А они и не разрешили бы никогда...

– И меня пускай увольняют! – сверкнул дикими чёрными глазами Всеволод. – Я всё равно буду делать только то, что считаю нужным. Тут ведь не только убийц Гаврилова найти надо, а ещё и каналы нелегального обмена денег отыскать. Меня, собственно, для того к вам и прикомандировали. – Всеволод надвинул колонковую ушанку до бровей. – С кем Гаврилов был связан – вот вопрос! Ну, всё, Слава, ни пуха...

– К чёрту! – отозвался Барановский и стал набирать номер.

Всеволод же, прыгая через две ступеньки, спустился во двор и осмотрелся – там всё было тихо. Шагая через лужи, прошёл на Большую Пушкарскую, и всё время косился назад, по сторонам, стараясь не упустить ни одной мелочи.

Несмотря на то, что с крыш текло, снег раскис и почти весь сошёл, в воздухе уже веяло близким морозом. Поднялся северный ветер, который сейчас был, по счастью, в спину; и сразу стало зябко. Грачёв вышел на Кронверкскую, стараясь дворами срезать путь. Жил он неподалёку – на углу Кировского проспекта и улицы Братьев Васильевых.

Около сберкасс, волнуясь и гомоня, выстроилась огромная очередь – преимущественно из старух. Грачёву она напомнила гигантскую жирную змею с неряшливой, наполовину содранной шкурой. Публика в платках и кацавейках, похоже, имела, что менять – у каждой пенсионерки в руках была набитая купюрами сумка или наволочка.

Всеволоду пришлось сойти на проезжую часть – очередь заняла весь узкий тротуар. Из интереса он заглянул через окно в зал сберкасс. Там как раз очередная бабуля выгребала вышедшую из употребления наличку из алюминиевого бидона. Грачёв между прочим подумал, что многие из этих ветеранов тоже меняют не свои деньги – за долю малую. Ну, не могло у них, живущих в городе, не торгующих на рынке, скопиться так много налички. И об этом тоже нужно сказать Милорадову, чтобы имел в виду – в любом случае не помещает.

С этими мыслями Всеволод подошёл к своему знаменитому дому, в котором до сих пор стеснялся жить. Краем глаза он проверил, велика очередь в салон мужских причёсок, и понял, что сегодня ему ничего не светит. Прикидывая, что сказать своему начальнику подполковнику Милорадову, он вошёл в подъезд.

Дома была мама Лара – так Всеволод уже давно называл свою мачеху. В последнее время никто нормально не работал – люди или меняли деньги, или стояли в длинных продуктовых очередях, или дежурили на Невском – в Гостином и в Пассаже. Туда в первую очередь завозили товары. В пятом часу вечера, из школы вернулась и Дарья, а бабушка давно уже была на пенсии. Сейчас, правда, она как раз и поехала на Невский – в доме закончились мыло и стиральный порошок. Собрав все имеющиеся талоны, Валентина Сергеевна решила купить на них что-нибудь стоящее, импортное.

Мачеха смотрела на Грачёва встревоженно, как на родного сына – возможно, из-за того самого сходства с покойным мужем, о котором сегодня говорил Барановский. Надо её предупредить, что сегодня он вернётся поздно, пусть не волнуется – просто много работы. Всеволод и до этого не баловал домашних своим присутствием, а теперь и вовсе из дому пропадёт. Но так надо, и нечего ныть. Теперь, похоже, и по ночам отдыха не будет – до тех пор, пока задание не выполнишь. А сколько времени уйдёт, один чёрт знает.

Грачёв раздумывал, брать с собой к Лиле пистолет или нет; в конце концов решил, что оружие там не помешает. Мало ли кто окажется у доступной дамы на квартире, как отнесётся к появлению чужого мужика! И хорошо ещё, если она сама жива, а то ведь с Гавриловым вон как всё вышло...

Лариса встретила пасынка у порога и взглянула на него испуганно, тревожно. В последние дни она вообще сильно нервничала, пила снотворные таблетки, всё время мёрзла и куталась в огромный серый пуховый платок.

– Сева, что с тобой? Ты весь мокрый, взъерошенный... Очень спешил? У тебя какие-то неприятности?

– Да ничего, мам Лара, обычные дела. – Он сбросил шапку и куртку на стул у двери. На вопросительный взгляд мачехи ответил: – Я сейчас снова уезжаю, причём надолго. Короче, если задержусь – не волнуйся. Мне бы только поесть немного...

– Сейчас разогрею, Севочка! – заторопилась Лариса. – Я

же не знала, когда ты придёшь...

Она внимательно взглянула на Грачёва, хотела что-то спросить, но передумала. Тонкая, деликатная женщина дворянско-интеллигентского происхождения ненавидела со- ваться в чужие дела, выматывать людям душу своими вопро- сами. Но в то же время она не могла равнодушно относиться к людям, особенно к близким.

Всеволод прошёл в ванную, умылся, причесался. На вся- кий случай поводил по щекам электробритвой. Как он и предполагал, сестра Дарья уже вернулась из училища, и сей- час доводила до блеска первую балладу Шопена. Завтра она выступала на сцене Консерватории и очень из-за этого пси- ховала.

– Я по твоим талонам мясо выкупила сегодня – свинину. Сварила гороховый суп, – сказала из кухни Лариса. – Сим- патичный кусочек попался в нашем магазине. Месяц конча- ется, нужно было отоварить.

– Значит, у нас талонов больше нет? – Всеволод пытался настроиться на деловой разговор с начальником, но ему мешали звуки рояля.

– Всё подчистую истратили. – Мачеха виновато развела руками, и Всеволод только сейчас увидел, как сильно она по- старела.

Ему захотелось обнять Ларису, сказать ей что-нибудь при- ятное, нежное, успокаивающее. Например, пообещать при- везти мясо с рынка, потому что кое-какие деньги от перево-

да из Сочи у него ещё оставались. Но Грачёв не любил болтать попусту и решил просто взять и съездить за покупками, сделать маме Ларе сюрприз – лишь бы осталось на это время. А вот с ним, похоже, в ближайшие дни будет напряжёнка...

Всеволод уселся за свой стол, позвонил Милорадову, так и не составив никакого плана. Ладно, как пойдёт, так и ладно – начальник сам разберётся. Главное – доложить о случившемся в мастерской Гаврилова и высказать свои соображения. Лишь бы Милорадов на месте был, а то в последнее время часто в город выезжает.

Грачёву сегодня опять повезло, и шеф оказался у себя. Более того, Павел Андрианович выслушал доклад своего сотрудника молча, благожелательно, не прерывая уточняющими вопросами – значит, ему всё было ясно. Более того, его даже не пришлось просить обращаться к Горбовскому, потому что шеф сам захотел это сделать.

– Будем Шестое управление подключать – это их епархия, – быстро, как только Всеволод закончил, сказал Милорадов. – Горбовский сейчас на месте – я в столовой его видел. Если только не сорвётся куда-нибудь, поговорю с ним. В любом случае без них не обойтись, да и руководство не позволит. А ты как думаешь?

– Так же, как и вы, Павел Андрианович, – с облегчением вздохнул Грачёв, несмотря на то, что вскоре ему предстояло ехать на не проверенный адрес, где могло случиться всякое. – Убийство совершено профессионалом – раз. Гаврило-

ва уничтожили вскоре после того, как прозвучало его имя в нашем разговоре с Бариновым – два. Таких возможностей у обыкновенных урок нет, а, значит, должны работать люди Горбовского. Ведь не один же Гаврилов им деньги отмывал, а, значит, могут появиться новые трупы. У нас в этой среде агентов нет, а без них здесь не обойтись...

– Ну, ясно, Всеволод, ты не против, – перебил его Милорадов, которому, как обычно, было некогда. – А сам что делать думаешь?

– Я хочу натурщицу найти, о которой сейчас упоминал – Лилию Селедкову. Она или присутствовала при убийстве, или ушла от Гаврилова незадолго до развязки. Но преступники, надеюсь, не знают, что мы вышли на её след. Если только они «жучки» в мастерской Гаврилова не оставили. Но это вряд ли, такая техника больших денег стоит...

Всеволод, если говорить начистоту, хотел сначала найти Селедкову и переговорить с ней, а потом уже доложить начальству. Но раз тот спросил о планах, скрывать их не следовало – мог разразиться скандал. Как и всякий начальник, Милорадов не терпел, когда действовали без совета с ним, самостийно, и пресекал такие поползновения в зародыше.

– Ты пробил её адрес? – Начальнику не пришлось ничего объяснять. – Говорил, что номер телефона взял из алфавита...

– Сейчас пробую – не проблема! – Всеволод достал из ящика стола бумагу и ручку. – Только бы с ней ничего до тех

пор не сделали, а остальное-то просто. Они с Гавриловым сегодня виделись – факт. И нужно выяснить, что известно натурщице насчёт связей художника. Женщины любят всякие сплетни слушать и другим их пересказывать...

– Поезжай, Всеволод, пока след не остыл, – окончательно одобрил его планы Милорадов. – Так, сейчас у нас без десяти пять. К восьми, если всё сложится нормально, сумеешь подвезти её на Литейный? Если девушка видела каких-то знакомых убитого, она поможет составить их фотороботы. Ну, ты и сам всё знаешь, так что действуй. Подгонять тебя не надо, а придерживать я сейчас и сам не хочу. Я договорюсь с Горбовским, и до тех пор он успеет собрать ребят. Ясно?

– Так точно! – по-военному ответил Грачёв.

– Выполняй! – И Милорадов положил трубку.

* * *

Грачёв, записав на листочек бумаги адрес Лилии Николаевны Селедковой, ещё немного подумал и достал из маленького сейфа пистолет в кобуре. Потом пристроил кобуру под пиджак, поверх джемпера, и подмигнул сам себе в зеркало. Эх, знал бы Милорадов! А что делать – и о себе подумать надо. Будем надеяться, что «ствол» не пригодится, но с ним как-то спокойнее. Тем более что он там, на проспекте Славы, где живёт Селедкова, будет один, и страховать его некому...

Внутри у Всеволода, как всегда в такие минуты, словно

дрожала и пела невидимая струна. Ехать, конечно, довольно долго, но всё же не на окраину, не за город. Хорошо, что видел портрет Лилии – если только это действительно она, а не другая натурщица. Знать бы, что она за птица, как поведёт себя, узнав, зачем к ней пожаловал сотрудник КГБ. Сейчас народ кругом отвязанный, может из вредности замкнуться – и не разговоришь её по-доброму. А может и испугаться – наверное, её тоже предупредили, чтобы не болтала лишнего. Жизнь каждому дорога, и потому лучше прикинуться чайником. Скажет, что ничего не видела, не знает; и придётся отваливать не солоно хлебавши.

Лариса поставила на стол глубокую тарелку с супом, сама села напротив пасынка. Придвинула к нему сухарницу с хлебом, плотнее завернулась в свой необъятный платок. Грачёв посмотрел на неё внимательнее и заметил седину в рыжих крашенных волосах, морщинки под глазами, обиженно опущенные вниз уголки когда-то свежих, сочных губ. Руки у неё были тонкие, с косточками, как у девчонки. И сейчас, как всегда, на левой – тонкое обручальное кольцо, а на правой – старинный перстень-роза чёрнёного серебра...

– Кушай, Сева. – Лариса сказала это машинально, не подумав, потому что уговаривать его не приходилось. Он ел так, словно голодал неделю. – Тебя с купюрами загоняли?

– Угу, – кивнул Грачёв с набитым ртом. – Я много рассказывать не буду, потому что сам ничего не понимаю. Сегодня к трупку приехал, а хотел ведь с человеком по делу пообщать-

ся. Теперь к свидетелю надо ехать, причём срочно. Я потому и порю горячку – боюсь, что это не последнее убийство...

– О, Господи! – испуганная Лариса сжалась в комочек на табуретке. – Уже убивать начали из-за этих денег? И зачем только вообще реформу провели, не понимаю...

– Значит, нужно было. – Грачёв подчистил хлебом тарелку. – Хотели отсечь наличку, скопившуюся в теневом секторе. Так они теперь ищут людей, которые под свои декларации им деньги поменяют, не вызвав подозрений. Этот художник, которого сегодня убили, считался высокооплачиваемым. Он большую сумму мог отмыть разом, а потому, вроде, ценить его должны были. Но, видимо, рассудили, что безопасность дороже.

– Севочка, ты только будь осторожен, когда к свидетелю поедешь! – вконец перепугалась Лариса. – Прошу тебя... И не торопись, когда ешь. Ты глотаешь горячее, плохо пережёвываешь. Испортишь желудок себе, как папа. Тот тоже за всю свою жизнь нормально ни поел ни разу...

– «Кто долго жуёт, тот долго живёт!», говорит баба Валя, – напомнил Грачёв. – А я вот не считаю, что нужно гнаться только за количеством прожитых лет. О качестве тоже иногда думать надо, как ты считаешь? Вот отец до пятидесяти семи не дотянул, но разве это его как-то порочит?..

Лариса промолчала, и Всеволод пожалел о своих словах, увидев в её глазах слёзы. Он принялся за второе блюдо, рассеянно прислушиваясь к бормотанию радио на стене, и тут

же опять разозлился. Сам тон передачи показался ему наглым, хамским, вызывающим, словно журналист любой ценой хотел нарваться на скандал. Ничего не понимая в сути проходящей денежной реформы, он комментировал действия правительства будто бы только для того, чтобы побольнее укусить премьер-министра, которого считал своим политическим противником.

Всеволод хотел встать и выключить весь этот бред, но постеснялся тянуться к приёмнику через голову мачехи.

Поэтому он, сморщившись, будто от зубной боли, попросил:

– Мама Лара, придуши радио!

– А что? – удивилась мачеха, вытирая глаза маленьким платочком. – Разве тебе мешает?

– Слушать уже не могу! Тут бегаешь, язык высунув, на трупы натыкаешься, сам по лезвию ходишь, а эти уроды только издеваются. Теперь вот, как я слышу, против совместного патрулирования агитируют. То бандиты всё заполонили, и по улице не пройти, то не смейте ограничивать свободу. Конечно, сами они уже в «Мерседесах», так зачем им патруль? Охраной обзавелись, и ладушки. А остальных пусть перережут всех – была печаль! Казалось бы, если сам ты закон не нарушаешь, чем тебе патруль плох?

– Сева, но ведь действительно армия не должна охранять общественный порядок? Ну, милиция – понятно. А солдаты там зачем? – Лариса понимала, что говорит это зря, и пасын-

ка всё равно ни в чём не убедит. Но всё-таки она не могла промолчать.

– А картошку армия должна копать? А дороги строить? А завалы разбирать? По-моему, всё равно, кто тебя от бандюгана спасёт – мент или солдат. – Грачёв оставил пустую тарелку. – Спасибо, мама Лара, всё было очень вкусно. Я теперь заправился до ночи. А там, когда приду, сам себе разогрею. Ты не встречай меня, не вставай...

– Да я всё равно глаз не сомкну – у Даши же концерт завтра, – вздохнула мачеха. – Первый раз выступает перед полным залом... А вдруг провалится? Она же такая самолюбивая – как ты. Вы одинаковые совсем, не находишь? – Лариса, по новой моде, перекрестила пасынка. – Ни пуха тебе, ни пера! Будь же благоразумнее, думай сначала, а потом уже делай. Тебе же почти тридцать – научись себя сдерживать...

Всеволод улыбнулся, представив себе, что сказала бы Лариса, узнай она о сегодняшней аванюре с дверью Гаврилова. Не мешало бы, конечно, позвонить Барановскому и узнать, что сказал приехавший к трупам следователь, но времени совсем не оставалось. Всё-таки далековато жила эта сучка Лилия Селедкова; да ещё неизвестно, как долго придётся её искать.

Грачёв снова оделся, поправил под курткой пистолет. Потом придирчиво осмотрел себя в зеркале, проверяя, не выпирает ли кобура. Убедившись, что всё в порядке, он уже хотел выйти на лестницу, но сзади скрипнула дверь.

– Ты что, опять сливаешься? – Дарья, с распущенными чёрными волосами, в плюшевом халате своей бабушки, стояла в дверях. Говорила она своим обычным, по-детски капризным голосом, в котором уже пробивались новые, женские нотки.

– Тебе не всё равно? – Грачёва теперь раздражала любая заминка.

Сестра скрестила руки на груди и вздёрнула подбородок.

– Ты же клялся, что будешь завтра на моём выступлении! Или опять окажется, что у тебя дела?

Всеволод щёлкнул одним замком, потом другим:

– Не клялся, а обещал, – ворчливо поправил он. – Я не клянусь, когда речь идёт о разной ерунде. А раз обещал – выполняю, коли буду жив и здоров. В чём, впрочем, сильно сомневаюсь...

Не дослушав Дашкиной гневной тирады, он выбежал на лестницу и скатился вниз, к машине. Итак, несколько дел уже сделано. Милорадов в курсе, план его одобрен, насчёт привлечения Горбовского и его ребят у них мнение общее.

Теперь вот Селедкова – кто она, что из себя представляет? Просто шлюха или преступница? Это имеет большое значение, как и то, сидела она или ещё нет. По виду, ей лет двадцать пять. Она – блондинка со стандартной фигурой, правда, изумительно красивая. Вспоминались почему-то светлые глаза с поволокой и тонкие длинные чёрные брови. Приятная, конечно, мордашка, но такими часто бывают мошенни-

цы и воровки на доверие. Так что раскисать ещё рано.

На улице уже совсем стемнело, и на Кировском засветились окна домов, налились белым шары фонарей. Очередь у сберкасы ничуть не уменьшилась – даже, скорее, наоборот, вытянулась далеко в сторону улицы Скороходова. Другой «хвост», чуть поменьше по размерам, волновался около молочного магазина – там давали сладкий творог. Вспомнив, что Валентина Сергеевна ещё не возвращалась с Невского, где её, конечно, затолкали и заругали, Грачёв почувствовал всегдашнюю неловкость, но сделать ничего не мог. У него не было ни одной свободной минуты, чтобы хоть чем-то сейчас помочь семье.

Всеволод перебежал через узкую улочку Братьев Васильевых, подошёл к своей машине. Он открыл дверцу, достал зеркало и «дворники», заботливо расправил медвежью шкуру на водительском сидении. Отец незадолго до гибели где-то достал её, и даже не говорил, сколько отдал за неё. Настоящий белый медведь, не шуточки, и потому мама Лара всё время боится, что взломают дверцу машины, а шкуру украдут. Но, похоже, её принимают за искусную подделку и особенно не интересуются.

Всеволод включил фары и стал, оглядываясь через плечо, задним ходом выруливать на Кировский. Тот район, где проживала Селедкова, он знал весьма приблизительно. И потому собирался сначала доехать собственно до проспекта Славы. А там уже или спросить местных, или разобраться само-

му. Судя по всему, это уже «спальный» район, где все дома типовые, и люди каким-то чудом находят среди них свой собственный. Всеволод с двумя жёнами жил в таких районах, но привыкнуть не сумел. Он уже был избалован неповторимой архитектурной центра, и потому в крошечных клетушках блочных строений чувствовал невыразимую тоску.

Радио Всеволод включать не стал, потому что знал – ничего толкового не услышит. Он ткнул пальцем в клавишу магнитофона, попал на кассету Мирей Матье, которую оставил здесь неделю назад. Съезжая с Кировского моста, он торопливо закурил «Монте-Карло» и ещё раз подумал, что пистолет нужно подальше прятать – не так от мамы Лары, как от сестрицы Дашки. Та, в отличие от своей матери, обожает рыться в чужих вещах, особенно если ей это запретить. Но Грачёв привык так жить – ещё в Сочи, на родине, он повадился всё прятать от родной матери, которая, не моргнув глазом, обшаривала карманы у мужа и у сына.

Грачёву приятно было жить среди культурных, образованных людей, и он изо всех сил стремился стать таким же. Непонятно только было, откуда взялась в его душе эта тяга к прекрасному, Родился и вырос он в обычной хате, где на задах кудахтали куры и гоготали гуси, а рядом хрюкал поросёнок, и копошились в клетках кролики. Мать и сестра целыми днями то хлопотали по хозяйству, то стояли за прилавком на рынке, то тараторили с соседками на лавочке, перебивая кости каждому, кто проходил мимо.

Что касается младшего сына, то Надежда Никодимовна Грачёва относилась к нему сложно. В раннем детстве она просто обожала своего угрюмого младенца, но потом пришла к выводу, что в голове у него не всё в порядке. На базар его не загонишь, по дому работает с неохотой, хоть руки из плеч растут. Ладно бы только в детстве бредил детективами, а то ведь и потом решил идти по опасной дорожке. Где бы получить прибыльную специальность, семье помогать, а потом выгодно жениться, он захотел работать в уголовном розыске, как отец. Не для того она сына рожала и растила, чтобы он погиб за непонюшку табаку! Но ведь перед глазами пример сумасшедшего папаша, который, хоть и поседел наполовину, так и не стал взрослым.

Может быть, мама Надя и отговорила бы сына идти в органы, но с тринадцати лет он с ней не жил. На суде, когда родители разводились, пожелал остаться с отцом. Мать когда прямо из здания суда отправили в больницу по «скорой» — она никак такого не ожидала. Да и отец тоже выглядел озадаченным — он уезжал в Ленинград на площадь жены и тётщи и не знал, как те отреагируют на желание взбалмошного Севки. Лариса Ковалевская была уже три месяца беременна, нужно было срочно оформлять отношения, а Михаил Иванович чувствовал себя виноватым — и перед одной семьёй, и перед другой.

На суде Всеволода долго уговаривали одуматься, но он, как выражалась мать, «упёрся рогом» и настоял на своём.

Без героического отца мальчишка не мыслил своей жизни. Кроме того, он очень хотел попасть в Ленинград, где не было базара, огорода, курортников и скотины в загоне за хатой. Кроме того, оттуда и до Москвы недалеко – на самолёте всего час; да и в поезде можно съездить на выходные. Это же сказка – такая возможность один раз в жизни бывает! А в Сочи что? Ну, море, пальмы, набережная, горы... Пока маленький был, этого хватало, а потом захотелось большего.

С матерью шерстью обростёшь, отупеешь, себя загубишь. Только работай в огороде да ворочай корзины на базаре, пока она с другими торговками скандалит. Хватит, дудки, пора нормальную жизнь начинать. А у матери Оксана есть, которая не к мужу в дом ушла, а его привела к тёще жить. Вот ей и мужик готовый, чтобы хозяйство в порядке содержать. А у зятя семья многодетная, в хате и так не повернуться...

Отец тогда переводился из сочинской милиции в Ленинградское УВД, но что делать с сыном, не знал. Лариса и её мать, понятно, от такой перспективы в восторге не были, так ещё ведь и квартира была коммунальная! Две комнаты из четырёх занимали соседи, которые пришли в ужас от дурных манер приезжего мальчишка. Он понятия не имел, как надо себя вести не только в культурном обществе, но и просто в городе, и потому много раз был обруган и осмеян.

Правда, Лариса с матерью приняли его тепло, за что и были неожиданно вознаграждены. Осенью семьдесят четвёртого года родилась Дарья, и их стало пятеро. Потом, одна за

другой, освободились две комнаты. Из одной соседи уехали в отстроенный кооператив, а в другой умерла одинокая соседка. Отец переговорил, с кем надо, и вся квартира перешла к их семье, стала отдельной, как в незапамятные уже времена. Каким образом отцу удалось решить вопрос, Всеволод тогда даже не думал. Но потом понял, что без взятки там не обошлось. Михаил Иванович чувствовал свою вину за то, что притащил в Ленинград сына, и всемерно старался отблагодарить жену с тещей.

Мачеха пленила пасынка сразу – культурой, тактом даже необычной, благородной внешностью. Она работала ассистентом режиссёра на «Ленфильме» – это тебе не базар! Только дорогу перейти – и вот он, волшебный мир кино. Бабушка Валя преподавала в музыкальной школе, тоже рядом с домом – её и окончила Дашка два года назад. В доме никаких курортников. Все свои – чего ещё надо?

Отец тоже был доволен таким поворотом в судьбе, и долго не верил в свою удачу. Он познакомился с рыжеволосой девушкой случайно, когда забежал на пляж искупаться после дежурства. Было очень жарко, пришлось разнимать жестокую драку с участием кавказцев, а это всегда было чревато лишними рисками. А молодая ленинградка, оказывается, всё видела, когда обедала в столовой, и обратила внимание на стройного чернявого майора, который так лихо завернул руки назад главному буяну, и выбил у него нож...

И надо же было случиться, чтобы тем же вечером они

встретились на пляже! Наверное, это была судьба – по крайней мере, оба так считали. Целый год они переписывались на «до востребования», а потом Михаил Иванович несколько раз съездил к Ларисе в Ленинград. Говорил, что это обычные командировки, и семья ему верила – пока не состоялся главный, самый тяжёлый разговор.

ВВсеволод понимал, что отцу, как и ему, осточертела такая жизнь. Надежда по вечерам ходила на вокзал и автобусную остановку, приводила домой проезжих – кому нужно было один раз переночевать. С этого она тоже имела дополнительный доход, от которого ни за что не хотела отказываться. Не все постояльцы попадались порядочные, захаживали и воры. Один раз увели сахарницу, где мать и Оксана прятали свои украшения, а потом – приёмник «Спидола» и отцовскую кожаную куртку. После этого Надежда стала осторожнее, но ненадолго – жадность взяла своё...

За воспоминаниями Грачёв не заметил, как проехал по Невскому, потом свернул на Лиговский. Время, конечно, было неудачное – час пик, у каждого светофора столпотворение людей, машин и общественного транспорта. Да ещё всё это в темноте питерского бесснежного вечера, в мороси и тумане. А погода менялась с каждой минутой – пока Грачёв добрался до Волкова кладбища, дождь сменился мокрым снегом, и хлопья залепили ветровые стёкла. «Дворники» монотонно качались перед глазами, сгребали бликующие капли, и от этого мельтешения заболел лоб над правой бровью.

«Жигули» пробивались сквозь снежную кашу дальше, по Бухарестской улице, до проспекта Славы. Здесь пришлось окончательно отбросить посторонние и мысли и максимально мобилизоваться – иначе можно было проскочить нужный дом. Дома были какие-то длинные, чуть ли не в полквартала, все одинаковые, да ещё без номерных знаков. Фонари светили тускло, во дворах их не было вообще, и поэтому даже с орлиным зрением Грачёва трудно было различить, какой именно корпус перед ним – второй или третий.

Наконец, ещё раз сверившись с адресом, Всеволод облегчённо вздохнул – он прибыл на место. Теперь главное, чтобы Селедкова оказалась дома, и желательно одна – без пьяной компании или чересчур любопытных родственников. Грачёв давно уже действовал на автомате, и раздумья не мешали ему двигаться чётко, быстро, бесшумно. В мгновение ока он снял «дворники» и зеркало, кинул всё на заднее сидение машины, прикрыл чехлом и запер дверцу.

Нужная дверь была распахнута, и по лестнице гулял ветер. Грачёв взбежал на крыльцо, прикрыл за собой створку и проверил, на каком этаже находится нужная квартира. Делать нечего – придётся вызывать лифт, хотя, конечно, и на седьмой этаж можно подняться мешком. Пока, вроде, всё спокойно, вокруг никого нет, и можно позволить себе некоторый комфорт.

В кабине Всеволод оказался один и тут же воспользовался этим обстоятельством. Пока поднимался, проверил писто-

лет, убедился, что всё в порядке, и сунул его в карман. Возможно, конечно, что делал это он зря, но всегда лучше подстраховаться – здоровее будешь. Так или иначе, но девушка эта была причастна к убийству человека, а, стало быть, требовала к себе особого внимания.

Выйдя из лифта, Грачёв быстро нашёл нужную квартиру и придиричиво осмотрел дверь. Ну, что можно сказать – жильцы не бедные, но и не зажиточные. Достаток средний – на двери хороший кожаменитель, блестящие кнопки-гвоздики, красивая резная ручка и кнопка звонка в виде клавиши от рояля. У двери чисто, не наблёвано, не валяется мусор, не лежит пьяный – а что ещё надо для счастья? Площадка чисто выметена, даже, вроде, вымыта, лежит липкий зелёный коврик – значит, натурщица эта не бухает и не ширяется. Более того, она любит чистоту и порядок, а это уже хорошо.

За дверью явно был ребёнок – и, кажется, даже не один. Оттуда слышался топот, визг, грохот и плеск воды; похоже, дети просто играли, дурачились, потому что то и дело смеялись – звонко, от души. Получается, голышом позировала художнику не безбашенная девица, а мать, по крайней мере, двоих детей. И это тем более интересно, потому что семейные дамы редко становились моделями, даже если сохраняли фигуру после родов. Ни один нормальный муж не мог относиться к такому занятию равнодушно – значит, мужа у Лили Селедковой нет. Но это уже не имеет отношения к делу...

Грачёв позвонил, вспоминая сегодняшний визит к Гаври-

лову. Конечно, в этой квартире вряд ли лежит труп, раз там беззаботно резвятся малыши. Но они могут и не открыть, особенно если одни дома. И тогда придётся ждать Лилию то ли на лестнице, то ли в машине. Конечно, она не бросит ребят одних на ночь, вернётся, но вот только когда? А Милорадов просил привезти её сегодня к Горбовскому, потому что нужно как можно скорее узнать подробности о деле Гаврилова. Выйдет это, или придётся звонить начальнику и оправдываться, ссылаться на обстоятельства? Всеволод очень этого не любил, и потому решил добиться своего любой ценой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.